

Это сладкое очарование войны

31 октября 2023, 13:21 Владимир Филичкин

На фото Александр Власов

Почему существуют войны? Отчего организованное убийство себе подобных остается одним из наиболее излюбленных наших занятий на протяжении веков? Можно ли преодолеть войну, есть ли надежда на мир, либо в силу могущественных и тайных причин мы обречены жить с этим проклятьем? На эти и другие темы мы разговариваем

сегодня с профессором Российской академии естествознания Александром Власовым.

— Александр Юрьевич, человечество воюет с начала времен. Впрочем, есть основания полагать, что воевали они еще будучи обезьянами.

Воинственные обезьяны

— Очень многие люди, в силу своей наивности, считают, что война является неким экстремальным событием, с которым необходимо бороться, и самое главное, что с этим можно бороться. То есть существуют какие-то перспективы на то, чтобы их можно было избежать. На самом деле это глубокое заблуждение, потому что война в философском, если хотите в биологическом, смысле является одним из способов реализации, выживания любого биологического вида. И человек здесь не является исключением. Все особи биологического вида, любого, рассматривают те или иные виды агрессивного поведения. Ну, у человека это в самом концентрированном виде выражается в виде военных действий, как способ существования вот какого-то объединения, общественного, государственного и так далее.

— То есть вы оправдываете милитаризм?

— Нет, я не оправдываю милитаризм. Я просто говорю, что у войны есть, ну скажем так, гносеологические корни, уходящие вообще в биологическую природу любого живого существа. У человека они реализуются за счет чего? Во-первых, каждому обществу, ну практически каждому обществу, свойственно построение своей системы по какой-то иерархической

лестнице. Это издревле, с самого начала существования любых человеческих цивилизаций имело место, постепенно усиливаясь, то есть был всегда какой-то вождь, были всегда промежуточные структуры, приближенные к вождю, между этим вождем и остальной публикой. И для того, чтобы эффективно управлять этим обществом, необходима была строгая дисциплина.

— Вы сейчас о том, профессор, что в любой стае, стаде все особи тянутся к предводителю, любая стая тянется к силе, и все тянутся к наиболее сильной группировке.

— Нет, это само собой разумеется. Я-то сейчас немного о другом. Для того чтобы осуществлять эффективное руководство этим стадом, будь это волчья стая или какое-то организованное человеческое сообщество, нужна вот эта иерархия, и самое главное, что нужна дисциплина, еще раз дисциплина и подчинение. Это, с одной стороны, достигается у людей путем принятия законов. Ну, отчасти, это еще обычаи и традиции, но в основном законы, регулирующие послушание и дисциплину. И в этом смысле военные структуры, входящие в состав любого общества, выполняют очень важную составную роль в поддержании этой дисциплины.

— Вы сейчас к тому, что колоски нехорошо на поле без разрешения собирать.

— Колоски — это противозаконно. Хорошо или нехорошо — это смотря с чьей позиции рассматривать: с позиции голодного человека это хорошо.

Предназначение интеллекта

— А с позиции теории стигматизации?

— С позиции теории стигматизации — это преступное деяние, безусловно, с которым нужно бороться. И в этом смысле военные структуры любого общества играют не менее важную роль, чем, допустим, религия любого общества. Это первая составная часть, то есть общество нуждается в дисциплине, и организация этой дисциплины в качестве необходимой составной части предполагает создание военизированных структур.

— То есть, Александр Юрьевич, верно, что пацифисты и атеисты — это исчадие ада?

— Это не исчадие ада, это просто наивные люди, у которых есть иллюзии, что с этим можно бороться. Ну, бороться с этим может быть и можно, но эта борьба абсолютно бесперспективная. И вот эту военную структуру любого общества искоренить невозможно. Это первое. Второе — это экономическая составляющая. Ведь далеко не всем так повезло, допустим,

как россиянам: и громадные территории, и громадные ресурсы, и нефть тебе, и газ, и лес, и пшеница, и все что хотите. А абсолютное большинство из почти двухсот стран мира находится в совершенно иной ситуации, где у кого-то не хватает территории, а у кого-то полностью отсутствуют ресурсные базы.

— Если вы про Японию, то они не бедствуют.

— Они, конечно, не бедствуют в силу того, что пошли какое-то время по пути развития технологий, который оказался очень успешным, но на самом деле это явление временное. Вот то, что у них доминирует развитие технологий, и сейчас это уже хорошо видно, что милитаризация Японии началась снова. Они достигают уже на этой стадии развития общества своего тупика. И они неизбежно будут сейчас стремиться к расширению территории.

— Вы про Курилы?

— Отчасти. Курилы первые на очереди. На самом деле интересы японцев на территориальные приобретения гораздо больше и шире, и они их в свое время уже реализовывали до Второй мировой войны. И Китай, и Корея там, и целый ряд островных государств. Вот и абсолютно очевидно, что идея вот таких новых территориальных приобретений у них актуальность не потеряла.

— Но есть же теория, что в XXI веке территория не играет уже такой роли, что все-таки именно через развитие технологий и координации усилий с другими странами можно добиваться очень много.

— Добиваться можно очень малого, как показывает опыт практически последних десятилетий, и все усилия по какой-то координации совместных действий сталкиваются.

Торжественные марши

— Я скорее про интеграцию, а не про координацию.

— Интеграция — это тоже возможно, до каких-то пределов, и эти пределы или красные линии как угодно можно обозначить, они обусловлены и религиозными представлениями. Разные религии и в какой-то мере уровень интеллектуального развития отдельных стран, которые отличаются колоссально.

— Ну, про уровень интеллектуального развития давайте говорить не будем, он ведь достаточно низок, а все-таки какой процент истинно верующих людей в современном обществе, по вашему мнению? Не

тех, кто делают вид, потому что это модно и популярно и насаждается сверху, а тех, кто истинно верует.

— Истинно верующих разные количества в разных религиях. К категории истинно верующих легче всего отнести фанатиков исламистского толка. Вот там, скорее всего, присутствуют элементы искренней веры, которая всегда сопряжена с фанатизмом.

— За счет того, что молодая религия? Не успела надоесть и обанкротиться?

— Не только поэтому. Вот тот же иудаизм и все его течения... они гораздо старше, на две с половиной тысячи лет, чем мусульманство. А у них тоже значительная часть общества склонна к фанатизму и к строгому делению людей на две категории. И они эту идею поддерживают, реализуют и развивают на протяжении последних трех тысячелетий. О том, что существует только один богоизбранный народ — это иудеи, все остальные — это побочный продукт человеческой цивилизации.

— То есть дело не в религии, а это что-то в человеке кроется, склонность к фанатизму. То есть можно быть фанатиком чего угодно, вплоть до собирания марок, или вот вы — фанатик работы, трудоголик.

— Здесь фанатизм, видимо, надо делить на безобидный какой-то...

— И обидный.

Продолжение следует